АЛЕКСАНДР

ЗБРУЕВ

ДВОРЯНИН АРБАТСКОГО ДВОРА

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 791.071:929(470)
ББК 85.374(2)-8
З-41

Креативный продюсер издания —
писатель, режиссер *Михаил Крупин*

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
© Mosfilm / Legion-media;
© Photographers / Legion-media;
© Долганов Павел, Вышинский Денис, Логинова Наталья /
PhotoXPress.ru / Legion-media;
© Галина Кмит, Игорь Костин, Ю. Вишневски / РИА Новости

Збруев, Александр Викторович.

З-41 Дворянин Арбатского двора. От сына «врага» до народного артиста / Александр Збруев. — Москва : Эксмо, 2026. — 272 с. — (Кино в лицах. Биографии звезд российского кино и театра).

ISBN 978-5-04-238000-6

Александр Збруев — легенда отечественного кино и театра. Сын расстрелянного отца, он провел первые годы жизни в ссылке вместе с матерью, вырос в арбатских дворах и стал одним из самых любимых актеров нескольких поколений.

Слава после «Моего младшего брата», «Ленком» Эфроса и Захарова, близость с Янковским и Абдуловым — на этих страницах оживает целая эпоха. Збруев откровенно рассказывает о творческих победах и закулисных компромиссах, о том, как партийный билет влиял на актерские судьбы и как он сам отстаивал право оставаться собой. За громкими именами здесь стоят живые люди со своими слабостями, надеждами и неповторимыми характерами. Написанная для внука, эта книга — признание в любви к тем, кто был рядом, и к профессии, ставшей опорой на всю жизнь.

УДК 791.071:929(470)
ББК 85.374(2)-8

© Збруев А. В., текст, 2026
© Фото из личного архива Збруева А. В.
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238000-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга — внуку. Вместо вступления 8

Перед тем как мне родиться 11

Дело отца 16

Житье-бытье в Рыбинском лагере 20

По возвращении в Москву 27

«Арбат — моя религия» 32

Школа 39

«Лесная школа», или Как я переплюнул Бунина 46

Моя пионерия 50

Я видел Сталина! 54

Впервые на «Мосфильме» 57

Спорт — богатство нерастраченное 66

Уроки английского 70

Брат Женя 73

«Приводи оболтуса!» 75

Учение в «Щуке» 82

Меня переводят в вольнослушатели 90

«Мой младший брат» 94

Пляжная забастовка 105

Моя первая Люся 109

Два разочарования 112

Папа Вася 116

Мой театр. Режиссеры, худруки, сценографы… 122

Путешествие с Роланом 124

Театр внутри партийной школы 128

Лермонтов, Пушкин и скрытая камера 133

Путеводные звезды 137

Эфрос 139

Первая жена 145

Фиксатая театралка 148

Моя Ростова 151

Следователь Алёшин. Детективная трилогия
о сотруднике ОБХСС 154

Разнообразие актерской палитры 162

Театр Захарова. Друзья, коллеги, члены партии… .. 167

Абдулов, Янковский… 175

«Большая перемена», или Советское кино до больших перемен 181

Как я стал невыездным 199

И снова о кино 205

Кино перестройки 213

Кино 1990-х 227

«Николай Второй в беду попал!» 238

Ресторан «ТРАМ» 241

В новом веке 243

Спектакли Богомолова. «Бывают странные сближения» 249

О песнях, которые спел и не спел 253

Профессор ГИТИСа 258

Мой сюр 261

Мои дочери 263

Вместо эпилога 266

Книга — внуку. Вместо вступления

Я пишу эту книгу для внука. Время мчится со скоростью необыкновенной — и я понимаю, что уже ограничен в этом отпущенном мне Богом ресурсе, а жизнь моего внука, которому сейчас два годика, будет продолжаться. Лёвушка будет расти, крепнуть умом и душой, научится читать... Еще через какое-то время, Бог даст, обретет охоту к чтению — и, я надеюсь, прочтет эту книгу и откроет для себя, кем был его дед.

Конечно, сначала ему что-то расскажут его мама и папа. Но немало интересных и довольно важных, как мне кажется, деталей, веселых и серьезных эпизодов, открывающих мое восприятие жизни, могу сообщить только я.

Я не буду стремиться к глубокому анализу событий, происходивших в моей жизни и в жизни страны, но рассказ о простых человеческих чувствах, которые я испытывал, встречаясь с людьми и сталкиваясь с различными

ситуациями, может быть, сделает для Лёвушки его страну, которая уже уходит в историю вместе с прежними театром и кино, понятнее и ближе, чем сотни академических статей.

Моя мама и моя профессия очень помогли мне выжить, стали опорами в этой жизни. Верно избранная профессия — это «вторая мама». Я хочу, чтобы и это понял мой внук.

* * *

Моя книга — о прошлом, но без прошлого нет будущего. У меня было очень хорошее прошлое, несмотря на все трудности и невзгоды, без которых жизни, наверное, никому не прожить. Я очень любил своих друзей, товарищей, коллег, не говоря уже о родных моих людях. Вот почему мне так хочется о них рассказать. Мне думается, что в этом хорошем прошлом — залог того, что в будущем наши внуки, вглядевшись в это прошлое, захотят удержать планку. Чтобы стать по крайней мере не хуже, а если повезет, то и лучше, счастливее.

Работая над книгой о прошлом, я невольно задумывался: а хотелось бы мне, чтобы оно повторилось, чтобы началось всё с самого начала? Чтобы все мои ошибки, просчеты, падения можно было исправить? Ведь все мы грешны перед людьми и Богом в той или иной мере. Вот и мне есть в чем покаяться...

И все же... Только потому, что я ошибался, оступался, кого-то обижал нечаянно или меня обижали, я многое понял о жизни, людях, о себе и стал таким, какой я есть. Поэтому пусть жизнь повторяется только в воспоминаниях — то есть на этих страницах.

Перед тем как мне родиться

Мне предстояло родиться в одной из самых счастливых и образцовых советских семей. Моя мама — Татьяна Александровна Фёдорова-Збруева — была дворянского происхождения. Она окончила театрально-кинематографическую школу и кинотехникум имени Бориса Чайковского, стала актрисой. В киношколе вместе с ней учились выдающийся советский режиссер, создатель фильмов-сказок Александр Роу, актер Георгий Милляр, сыгравший у Роу затем немало смешных волшебных героев — и Бабу-ягу, и Кощея Бессмертного, и царя Гороха... Мама начала сниматься в фильмах Николая Экка — того самого, который создал первый звуковой советский фильм «Путёвка в жизнь».

Отец — Виктор Алексеевич Збруев — был старше мамы на двенадцать лет и на момент их женитьбы уже занимал высокий пост в Советском государстве. Родившийся в бед-

ной семье конторщика, он ушел из четвертого класса реального училища из-за отсутствия средств на учебу, но сумел поступить в Московское коммерческое училище, которое, впрочем, тоже не окончил. Работал чертежником в одной частной фирме. С началом Первой мировой войны был призван в царскую армию...

Зато после революции карьера отца пошла в гору. В 1918 году он был назначен заведующим Счетным отделом Управления Московским водопроводом. В мае 1919 года вступил в большевистскую партию и через два месяца был мобилизован на службу в Московскую ЧК[1] на должность секретаря Особого отдела. Занимался борьбой со шпионажем, контрреволюционными и должностными преступлениями в воинских частях. Затем отец работал в Секретном отделе Петроградской ГубЧК[2], с 1923 по 1927 год занимал руководящие хозяйственные должности в Ростове-на-Дону, Москве, Ленинграде...

В 1928 году Коллегия ОГПУ[3] наградила В.А. Збруева почетным боевым оружием.

В роковом 1937 году отец уже возглавлял Главное строительное управление Наркомата связи СССР, был заместителем народного комиссара связи.

---

[1] Московская ЧК (чрезвычайная комиссия) — местный орган Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. — *Прим. ред.*

[2] ГубЧК — губернская чрезвычайная комиссия. — *Прим. ред.*

[3] ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление. — *Прим. ред.*

С папой мы так и не успели увидеть друг друга: когда ночью в нашей арбатской квартире его арестовали, я еще не родился.

Мой старший брат Женя, сын мамы от первого брака, рассказывает об аресте отца в ноябре 1937-го так:

— Среди ночи раздался звонок. В квартиру вошли два сотрудника НКВД[1], с ними — понятые, жители нашего дома — лифтер и дворник. Предъявив ордер, чекисты начали обыск. Быстро всё переворачивали, особенно не церемонясь.

Женя тогда собирал марки. Он, кстати, дружил в ту пору с Олегом Ефремовым — тот мальчишкой тоже жил где-то в арбатских переулках и тоже коллекционировал марки. Кричал порой под нашими окнами: «Женя, приходи, у меня новые марки!..»

И вот — ночной обыск. Марки Жени рассыпаны по полу.

Отец мой, Виктор Алексеевич, тогда сотрудникам НКВД спокойно говорит:

— Это коллекция ребенка. Марки — редкие и ценные. Так нельзя.

И один из чекистов извинился. Они собрали марки и аккуратно положили их на место.

Когда отца уже уводили, он сказал маме:

— Знай сама и передай детям, что моя совесть чиста, я ни в чем не виноват. Если родится девочка — назови Машей, а если мальчик — Сашей.

---

[1] НКВД — Народный комиссариат внутренних дел. — *Прим. ред.*

Так я и стал Сашей.

Родился я 31 марта 1938-го.

А в мае отца расстреляли. Мы узнали об этом много позже.

Всю зиму и почти всю весну мама носила ему передачи, но однажды передачу не приняли. Окошко закрылось, выпустив одно слово: «Выбыл». Вместо сообщения о смерти просто закрыли окно.

Отца расстреляли практически сразу после оглашения приговора 7 мая 1938 года. Маме выдали справку о том, что В.А. Збруев умер в заключении от болезни, только в 1942 году. В системе НКВД существовала иезуитская директива не сообщать родственникам реальных дат и причин смерти, а также мест захоронения политических заключенных.

Виктор Алексеевич Збруев был реабилитирован посмертно только в марте 1956 года. А тогда, в мае 1938-го, маму вызвали на Лубянку и вручили предписание покинуть столицу. Так мы с мамой, как члены семьи врага народа, были высланы в Рыбинский исправительный лагерь. Там, в деревянном бараке под городом Рыбинском, и началась моя жизнь...

Виктор Алексеевич Збруев был реабилитирован посмертно только в марте 1956 года. А тогда, в мае 1938-го, маму вызвали на Лубянку и вручили предписание покинуть столицу. Так мы с мамой, как члены семьи врага народа, были высланы в Рыбинский исправительный лагерь.

Дело отца

Я подрастал, всё больше узнавал о людях, о своей стране, и, конечно же, меня всё больше тревожил вопрос: что же все-таки случилось с моим отцом? Очень долго я не получал на это внятного объяснения. Мама отвечала на мои вопросы очень неохотно. Видимо, каждое прикосновение к этому периоду их жизни ей давалось очень тяжело...

И только в перестроечные годы мне наконец разрешили ознакомиться с делом отца. Я отправился туда — в «то самое место».

Меня встретил офицер. Протянув мне папку, сказал тихо, почти извиняясь:

— Александр, вы узнаете отсюда многое о последних месяцах жизни вашего отца... Но, понимаете, тогда... такое было время. Не принимайте на веру всё, что здесь написано. Вот комната, садитесь, читайте.

Я вошел в эту комнату. Там сидели трое-четверо — может быть, сотрудники госбезопасности, может быть, архивисты, не знаю. Я тоже сел за стол, начал читать...

Дело было объемным. Сначала шли страницы с записями от руки. Под каждым заданным вопросом — подпись следователя, который вел допрос, а под каждым ответом отца — его подпись. На обороте листа — тот же самый допрос, уже набранный на машинке. Из подобных листов и состояла эта плотная, довольно солидная папка. Было ясно: отца много раз водили к следователю... А дело двигалось всё туже, сложнее.

Когда я читал эту папку, мне с необычайной ясностью вдруг вспомнилось, как к маме, когда мы еще жили на Арбате, пришел один человек — по фамилии, кажется, Веллер. Он тоже был репрессирован в 1937-м, но каким-то чудом выжил. Веллер маме рассказывал, что в ту пору ему довелось ненадолго увидеть отца — в состоянии полного изнеможения: зверски избитого, худого, без зубов... «Он был, по сути, невменяем», — Веллер выразился даже так.

Листаю дело отца дальше — и дохожу до суда. Собственно, это был не суд, а так называемое Особое совещание[1]. Закрытая тройка[2]. Все трое судей — высокие чины, от генера-

[1] Особое совещание — административный карательный орган при НКВД СССР, существовавший с 1934 по 1953 год, которому было предоставлено внесудебное право на ссылку, заключение в исправительно-трудовой лагерь, высылку за пределы СССР или расстрел. — *Прим. ред.*

[2] Тройка — местный чрезвычайный орган НКВД, обычно включавший первого секретаря обкома или республиканского ЦК партии, начальника НКВД соответствующего уровня и прокурора области, края или республики. Тройки выносили тысячи внесудебных приговоров. — *Прим. ред.*